

На правах рукописи

ВАЛУЙЦЕВА Ирина Ивановна

ВРЕМЯ КАК МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва 2006

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики
Института лингвистики и межкультурной коммуникации
Московского государственного областного университета

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Юрий Николаевич Марчук

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Валерий Закиевич Демьянков

доктор филологических наук, профессор
Николай Викторович Иванов

доктор филологических наук, профессор
Евгений Владимирович Сидоров

Ведущая организация: Московский государственный открытый
педагогический университет им. М.А.Шолохова

Защита состоится 29 декабря 2006 г. в _____ часов _____ минут на заседании
диссертационного совета Д 212.155.04 при Московском государственном областном
университете по адресу: 105082, г. Москва, Переведеновский переулок, д.5/7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного
областного университета по адресу: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а.

Автореферат разослан «_____» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

Г.Т.Хухуни

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одной из наиболее характерных черт современной науки можно считать повышенное внимание к разработке проблем, связанных с используемым ею метаязыком. Под ним понимается «формализованный язык, средствами которого исследуются свойства соответствующих предметных (или объектных) теорий, разграничиваются уровни самих описываемых объектов и n-й уровень их описания» (Гвишиани 1990, с. 297). В XX веке это привело к формированию особой дисциплины – металингвистики. Ее задачей признается изучение такого рода «языков второго порядка», причем подчеркивается, что «создание... метаязыковой системы – инвентаризация терминов (понятий и номенклатур) - является завершающим этапом языковедческого исследования» (Гвишиани 1990, с. 297).

За последнее столетие различные лингвистические школы и направления действительно уделяли данному вопросу большое внимание, в результате чего в пределах чуть ли не каждого из них был создан свой «метаподъязык», далеко не всегда принимавшийся другими. В качестве примера можно назвать понятийную систему глоссематики или ряд терминов, предложенных Л. Блумфилдом, но не получивших особого распространения даже у представителей американского дескриптивизма. Напротив, тот или иной элемент лингвистического метаязыка мог стать практически общепринятым, но его трактовка порой различалась весьма существенным образом.

Указанный момент характерен и для такой фундаментальной категории, какой является *время*. Будучи одной из важнейших онтологических характеристик самого языка как феномена действительности, оно не могло в той или иной форме не приниматься во внимание исследователями. Говоря об отличительных чертах научных парадигм,¹ доминировавших в различные периоды существования лингвистики, чаще всего в качестве основного классификатора рассматривают именно данный фактор, наличие или игнорирование (либо неосознанность) которого трактуется как едва ли не наиболее показательная особенность, определяющая содержание лингвистической концепции.

Если на протяжении большей части прошлого века господствовал синхронный подход к явлениям языка, то с конца XX столетия отмечается возврат внимания к диахроническому аспекту исследования языка. Об этом, в частности, свидетельствуют неоднократно высказываемые в настоящее время суждения о том, что «в современной науке как бы стирается резкая грань между синхронией и диахронией, и лингвистика - разумеется, на новом уровне - возвращается к идеям великих лингвистов XIX века...»².

В связи с упоминанием «идей великих лингвистов XIX века» целесообразно напомнить, что в терминах метаязыка того времени речь шла о взаимоотношении описательного и исторического языкознания. Именно с ним и соотносят чаще всего сосюрскую дихотомию, не всегда, однако, учитывая, что между ними нет полного параллелизма (обстоятельство, в значительной степени и побудившее самого Соссюра к «неологизации» метаязыка). Вместе с тем, отсутствие в предыдущих научных традициях эксплицитного противопоставления, выраженного аналогичными терминами, нередко мешает распознать его в относящихся к соответствующим эпохам различиям, обозначаемым как оппозиция «грамматического» и «филологического» подходов или разграничение «общей» и «частных» грамматик...

Сказанное в значительной степени относится и к такому часто используемому в

¹ Вопрос о границах допустимости применения введенного Т.Куном (Кун 1977) в последней трети XX в. понятия научной парадигмы по отношению к языкознанию не получил однозначного решения. На наш взгляд, оно вполне может быть использовано, поскольку речь идет о наиболее существенных чертах и особенностях, присущих тому или иному этапу развития лингвистической мысли.

² www.linguisticsociety.spb/seminar1.html

метаязыке лингвистики понятию, как *историзм*. Здесь зачастую если не смешиваются, то, во всяком случае, не дифференцируются с должной последовательностью явления, достаточно сильно отличающиеся друг от друга. Это касается вопроса о том, идет ли речь об истории человеческого языка как такового или истории отдельных языков // семейств // групп. Иначе говоря, возникает проблема развития сущностных характеристик языка, с одной стороны, и эволюции его конкретных проявлений – с другой.

Наконец, говоря о факторе времени как метаязыковой категории, нельзя не упомянуть и о тех идиомах, которые в результате процессов, носящих не только и не столько интра-, сколько экстралингвистический характер, начинают занимать по отношению к фактору времени особую позицию, иногда внешне выглядящую как своеобразный «выход» из системы временных координат (так называемые «мертвые» и // или «сакральные» языки). В связи с этим возникает вопрос об уточнении их статуса, а также необходимости анализа проблематики, связанной с преодолением временного барьера при межъязыковой коммуникации («диахронический перевод»).

Все сказанное, по нашему мнению, позволяет говорить об *актуальности* выбранной темы с общелингвистической точки зрения и необходимости ее всестороннего и объективного изучения.

Научная новизна предлагаемого исследования состоит в том, что в нем впервые дан систематический и комплексный анализ различных подходов к роли и месту временного фактора в различных лингвистических традициях от эпохи античности до второй половины XX века.

Таким образом, *объектом* диссертационного труда является роль временного фактора в изучении языка, тогда как *предметом* исследования выступают лингвистические традиции и концепции, рассматриваемые в плане отношения их к указанному фактору, эксплицитно // имплицитно выраженному в них.

Целью работы является исследование времени как металингвистической категории от эпохи античности до второй половины XX столетия и создание, таким образом, теоретической истории науки о языке в указанном аспекте.³

В связи с этим были поставлены следующие *задачи*:

- исследовать проблему включения // элиминации фактора времени в лингвистических традициях до формирования сравнительно-исторического языкознания;

- изучить проявление указанной оппозиции в существовавших в истории лингвистической мысли противопоставлениях грамматического и филологического подходов к изучению языка, в дискуссии между аналогистами и аномалистами, в разграничении общей и частной грамматики, в противоречиях между «разумом» и «обиходом» в языковом описании, в различных трактовках взаимоотношения языкознания и филологии как научных дисциплин;

- проанализировать содержание понятия «историзм» применительно к различным течениям, существовавшим в те или иные эпохи развития лингвистической мысли, и выявить его соотношение с такими понятиями, как логицизм и психологизм;

- рассмотреть трактовку вопроса о соотношении синхронического описания и диахронической интерпретации языковых явлений в европейских лингвистических концепциях XIX - начала XX столетий до публикации «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и определить соотношение в них описательного и исторического компонентов;

- выявить основные тенденции, характеризовавшие специфику разрешения данного вопроса в лингвистической мысли послесоссюровской эпохи, и раскрыть содержание попыток снятия противопоставления синхронии и диахронии в языкознании второй

³ Подробно о понятии теоретической истории и ее отличительных особенностях см.: (Лихачёв 1973).

половины XX века;

- показать специфику, присущую пониманию указанной проблемы в русском языкознании XIX- XX веков, ее обусловленность историческими условиями и наличием в отечественной традиции ярко выраженного филологического компонента;

- уточнить вопрос о таких связанных с категорией времени единицах метаязыка, как «мертвые» и «сакральные» языки;

- определить основные особенности, присущие «асинхронной» межъязыковой коммуникации при передаче текстов, не современных реципиентам перевода.

Поставленные в диссертации цели и задачи предопределили выбор *методов* и приемов исследования: логического и исторического анализа лингвистических теорий от античности до второй половины XX века и критики имеющихся в нашем распоряжении источников.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Отсутствие временной перспективы, часто отмечаемое в качестве одной из основных черт, присущих лингвистическим традициям до появления сравнительно-исторического языкознания, носит не абсолютный, а относительный характер. В той или иной форме фактор времени (зачастую в имплицитном виде) играл важную роль в тех оппозициях, которыми характеризовалось развитие науки о языке в отдельные эпохи. К ним принадлежит различие между «грамматическим» и «филологическим» подходами, свойственное античной лингвистической мысли, противопоставление «общей» и «частных» грамматик, восходящее к трудам средневековых авторов, разграничение «разума» и «обихода» в работах, связанных преемственной связью с «Грамматикой Пор-Рояля», и т.д.
2. Рассматривая вопрос об элиминации фактора времени в некоторых лингвистических концепциях, следует четко различать, идет ли речь о *синхронии* в собственном смысле слова, как определенном периоде, выделяемом из хронологического континуума и абстрагируемом от него, или о *панхронии*, носящей всеобщий характер и поэтому принципиально не связанной с осью времени.
3. Говоря об историзме как явлении, доминировавшем в языкознании с начала XIX по начало XX века, следует четко дифференцировать его различные формы. С одной стороны, он трактовался как равнозначный компаративизму; т.е. опирался на понятие языкового родства; с другой – соотносился с исследованием языка вообще, носящем философско-лингвистический характер.
4. Наиболее характерной чертой лингвистической парадигмы, сложившейся в науке о языке в XIX веке и отличавшей ее как от предыдущего, так и от последующего этапов развития, следует считать не игнорирование описательного анализа языка в собственном смысле слова, а стремление включать его в *потенциально* учитываемую временную перспективу, независимо от реального обращения к ней в тех или иных конкретных исследованиях.
5. Послесосюрровский период развития лингвистики в XX в. характеризовался как полемикой структурализма в целом с представителями традиционного языкознания (в первую очередь, с последователями младограмматизма), так и дискуссиями между течениями, относившими себя к структурной лингвистике, причем к середине XX века стала проявляться тенденция к снятию сформулированной Ф. де Соссюром антиномии.
6. Будучи неотъемлемой частью мирового (и в первую очередь – европейского) языкознания, отечественная лингвистическая традиция характеризовалась своеобразием в подходе к проблеме соотношения синхронического и диахронического изучения языка, акцентируя внимание не столько на их противоположности, сколько на тесной взаимосвязи между ними, исповедуя «динамический синхронизм».

7. Одним из существенных аспектов проблемы, связанной с влиянием на язык фактора времени, являются понятия «мертвые» и «сакральные» языки, однозначная трактовка которых в современной лингвистике отсутствует. Целесообразно относить к «мертвым языкам» в собственном смысле слова такие идиомы, на которых перестают продуцироваться новые тексты. Языки, использование которых в определенных сферах речевого общения сохраняется, можно квалифицировать как не обладающие функцией родных или «квазимертвые» языки. Сакральными признаются языки, которые рассматриваются соответствующими коллективами как получившие божественную санкцию для использования в религиозной сфере, но применяемые и в других областях. Идиомы, применение которых жестко ограничено рамками религиозного ритуала, следовало бы охарактеризовать как ритуальные, а живые языки, допущенные в данную область, но не обязательно трактуемые как священные – как конфессиональные. При этом необходимо учитывать проявление таких тенденций, как «десакрализация» языка и его «вторичная сакрализация».
8. При разрешении вопроса о передаче текста, не современного моменту осуществления межъязыковой коммуникации, можно установить наличие двух основных критериев – собственно-лингвистического и лингвокультурного. В первом случае, поскольку переводимый памятник создан на языке более ранней исторической эпохи, имеет место собственно диахронический перевод; во втором, когда констатируется существенное отличие между экстралингвистическими характеристиками эпох создания исходного и переводного текста, представляется более целесообразным использовать понятие хронологического перевода. Таким образом, всякий диахронический перевод представляет собой разновидность хронологического, но не наоборот.

Теоретическое значение исследования заключается в формулировании роли и значения категории времени как одной из важнейших категорий метаязыка лингвистики в различные эпохи ее развития и выявлении специфики подхода к данной категории в рамках соответствующих научных парадигм.

Практическая ценность диссертации состоит в возможности использовать ее результаты, а также содержащейся в ней фактический материал в преподавании таких лингвистических дисциплин, как общее языкознание, история лингвистических учений, философия науки, социолингвистика, теория перевода и при написании учебников и учебных пособий по перечисленным выше курсам.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы две монографии (одна - индивидуальная, одна – в соавторстве). Основные положения и результаты работы неоднократно обсуждались на международных конференциях, были представлены в докладах и статьях. По теме диссертации опубликовано 17 научных работ, общим объемом около 40 п.л., включая две монографии и два учебных пособия.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* дается общая характеристика диссертационного труда, раскрываются цели и задачи исследования, обосновывается актуальность темы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость и формулируются выносимые на защиту положения.

В *первой главе* - «Категория времени в западной лингвистической традиции» - отмечается, что с момента зарождения сравнительно-исторического языкознания в лингвистической

историографии стало общепринятым противопоставление XIX века как времени утверждения исторической точки зрения на язык всему предыдущему периоду, характеризовавшемуся как «донаучный». Указанное противопоставление сохранилось и в период господства структурализма, хотя сам докомпаративистский период был не только реабилитирован, но и поставлен выше сравнительно-исторического языкознания. Однако более глубокое изучение пути, пройденного наукой о языке, позволяет внести в эту схему ряд существенных уточнений.

Необходимо принять во внимание, что уже в ранних лингвистических традициях (прежде всего в античной) можно заметить два различных подхода к языку, нередко совмещавшихся в рамках одной концепции и смешивавшихся между собой, которые можно определить как «грамматический» и «филологический». Возникновение их связано, в первую очередь, с наличием двух предметов изучения, в то время эксплицитно не различавшихся и не противопоставлявшихся друг другу: языкового строя и речевых произведений (текстов). Указанная дифференциация предполагала и различие в цели исследования. С одной стороны, говоря о «буквах» (звуках), частях речи и т.п. («грамматический подход»), античные авторы должны были принимать их как данность и стремиться к их *закреплению*, а тем самым – к «исключению» фактора времени. С другой стороны, занимаясь собственно комментаторской работой, сравнивая произведения авторов, писавших в разные исторические эпохи («филологический подход»), либо интересуясь живой речью носителей греческого языка, они фиксировали *изменчивость* употребления языковых единиц.

В связи с этим возможна следующая интерпретация спора между «аналогистами» (Аристарх Самофракийский), утверждавшими, что в языке существуют единообразия и правила, которых следует придерживаться в обязательном порядке, и «аномалистами» (Кратес Малосский), по мнению которых правила бесполезны, так как наталкиваются на большое количество исключений. Как представляется, позиция «аналогистов» была именно грамматической: понимая язык таким образом, они шли *от системы к текстам*. «Аномалисты» же отстаивали в широком смысле слова филологическую позицию: решающую роль играет речевой обиход, являющийся первичным по отношению к правилам и служащий необходимой предпосылкой для самого их выведения – путь *от текстов к системе*.

Принятие первой точки зрения означало, что язык в идеале должен представлять явление *неизменяемое*: если подобная система соответствует действительности, то принципиально не может существовать разумных причин, которые требовали бы ее изменения. Данная позиция способствовала характерному для античной грамматики и в значительной степени сохранившемуся и в последующие периоды логическому подходу к описанию языка. Показательно, что у автора наиболее известного труда по грамматике – Дионисия Фракийского - она отнесена к логическим искусствам.

«Аномалистический» подход, напротив, предполагал, что поскольку объективно заданных правил, в сущностном смысле предшествующих порождению любого текста и не зависящих от него, не существует, то они представляют собой явление вторичного порядка и всецело зависят от речевой практики, которая, будучи изменчивой, тем самым неизбежно влечет за собой и изменение языка.

Таким образом, «филологический» подход *потенциально* содержал возможность использования по отношению к языку фактора времени, т.е. того, что можно назвать предпосылкой становления исторической точки зрения на язык. Вместе с тем, сами представители античной традиции, обращаясь к практике грамматического описания, занимали в большинстве случаев именно «грамматическую» позицию. На нее, в частности, опирались такие итоговые труды, как “Ars Grammatica” Доната и “Institutionum grammaticarum” Присциана.

Говоря о лингвистических работах Средневековья, отмечают присущий им универсализм, приводивший к «ахронизму» (либо «панхронизму»), что вполне соответствовало сущности христианского мировоззрения. В лингвистической сфере это неизбежно способствовало усилению логицизма, истоки которого восходили к грамматическому подходу. Таким образом, на первый взгляд, наблюдалась тенденция к смене свойственного античности грамматического//филологического дуализма грамматическим монизмом. При этом можно отметить определенные различия между восточно-христианским (православным) и западно-христианским (католическим) культурными ареалами. В православии переводы священных текстов на народные языки считались вполне допустимыми и даже необходимыми, что стимулировало конфронтативное изучение исходного и переводящего языков с точки зрения существующих между ними различий. В католической традиции в связи с утверждением «теории триязычия» положение было несколько иным. Вместе с тем, и здесь вполне могло осознаваться различие между «универсальным» и «специфическим» - хотя бы в рамках греко-латинских переводов. Таким образом, вновь возникают предпосылки дуалистического подхода по отношению как к *методу описания*, так и его *объекту*. Это приводит к формированию оппозиции общая грамматика // частная грамматика, которая в дальнейшем, уже в эпоху Нового времени, становится одной из центральных проблем изучения языка. Наличие предпосылок ее возникновения в античной (римской) традиции по имеющимся в распоряжении исследователя материалам не может быть доказано, хотя полностью исключить возможность интереса к теоретическому изучению различий между греческим и латинским языками вряд ли возможно.

Представители средневековой философско-лингвистической традиции (Петр Гелийский, модисты, Р. Бэкон и др.) исходили из наличия проблем двух родов: общих для всех языков и касающихся только данного языка, причем объектом научного изучения признавались именно первые. Общее (подобно «грамматическому» в античной традиции) должно было рассматриваться как не имеющее темпоральных или локальных ограничений, т.е. панхроничное // ахроничное; частное по своей природе изменчиво и, следовательно, требует учета временного фактора, хотя сами изменения в соответствии со средневековым мировоззрением трактуются обычно как явление негативное («порча»).

В эпоху Возрождения наблюдается расцвет исследований в области классической филологии. Сравнение текстов, относящихся к различным периодам, стимулировало интерес к фактору исторической изменчивости языка во времени. Вместе с тем, знакомство в эпоху великих географических открытий с большим количеством ранее неизвестных «экзотических» и вовлечение в орбиту изучения живых европейских языков влекло за собой постановку проблемы языкового родства, то есть зарождение представлений о некоторой совокупности идиомов, происходящих от общего предка и все более удалявшихся друг от друга. Это уже напрямую способствовало учету фактора времени. Характерно, что именно в данный период (XVI столетие) появляются труды Постеллуса и Скалигера, признанных впоследствии предшественниками компаративистики.

Дуализм универсального и конкретного подхода к языку в рассматриваемый период нашел отражение в концепции Ф. Санчеса (Санкциуса), согласно которой язык рассматривался как состоящий из двух слоев. Один – упорядоченный и близкий к логике, общий для всех людей; максимально приближается к нему латынь. Другой – своеобразный у каждого народа и изменчивый, полный непоследовательности; таковы народные языки.

Тогда же наблюдается и стремление возвысить народные языки, провозгласив их не только равными, но и превосходящими латынь в качестве литературного средства (трактат Дю Белле «Защита и прославление французского языка»). Поскольку же происхождение романских языков от латыни было достаточно заметно, постольку появлялись предпосылки для вывода, что изменения во времени не только не «ухудшили», но в определенном смысле

даже «улучшили» исходный материал, т.е. создается почва для пересмотра отношения к эволюции исключительно как к «порче».

XVII век вошел в историю языкознания прежде всего появлением в 1660 г. «Грамматики Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло. В последующие годы отношение к ней неоднократно менялось, но, независимо от этого, характеризуя основные особенности названного труда, обычно подчеркивали два момента: «синхроничность» и связанное с ней полное отсутствие исторической перспективы.

Представляется, что оба утверждения нуждаются в существенном уточнении. Прежде всего, в данном случае правильнее говорить не о синхронии, а о панхронии // ахронии. Синхрония представляет собой «ось одновременности», т.е. состояние, вычленяемое из временного континуума, тогда как «рациональная основа всех языков», которая «рассматривается как вечное и неизменное»,⁴ очевидно, вообще не может быть включена во временную ось. Далее, отсутствие исторической перспективы здесь также носит не абсолютный, а относительный характер. С одной стороны, действительно предполагается наличие некоей общей логической основы для всех языков, а с другой – подчеркивается, что реальные языки могут в той или иной степени от нее отклоняться. Следовательно, в рассматриваемой концепции также представлен дуализм между «разумом» и «обиходом». По отношению к нему вполне допускается действие временного фактора на примере изменения родовой принадлежности у некоторых существительных. При этом Арно и Лансло отнюдь не требуют исправления такого рода «порчи». Они отмечают, что «обороты речи, принятые в нашем обиходе, следует оценивать как хорошую речь, даже если они и противоречат правилам и принципу аналогии» (правда, предостерегая против того, чтобы «приводить их для доказательства опровержения правил и нарушения аналогии» (Грамматика общая и рациональная, с. 141)).

Отсюда можно заключить, что для создателей «Грамматики Пор-Рояля» существует – используя сосюрговскую терминологию – а) панхрония, базирующаяся на законах разума и представленная в высшем («ясном») строе языка, б) диахрония, относящаяся к низшему («смутному») слою. Идеалом с рационалистической точки зрения было бы сведение второго к первому, т.е. элиминация фактора времени, однако авторы осознают, что она бы «являла попытку совершить невозможное» (Грамматика общая и рациональная, с. 85).

Тем самым обиход – в соответствии с традицией, заложенной еще средневековыми авторами – выводится из сферы «науки» и перемещается в область «искусства» («частной грамматики»).

Теоретическое обоснование отмеченного принципа было дано уже в следующем столетии (С.Ш. Дю Марсе, Ш. Пино и др.), причем, когда речь шла об «обиходе», наблюдалось усиление внимания к фактору времени. Можно говорить также об увязке временной перспективы с принципом произвольности языкового знака. К самим же языковым изменениям отношение двоякое: в разговорном языке они трактуются как вполне нормальное явление, тогда как по отношению к литературному (письменному) языку необходим нормативный подход. Таким образом, имеет место своеобразная переключка во времени с компаративистами последующего столетия, хотя система приоритетов у них была зеркально противоположной: основным объектом исследования провозглашалась уже народная (диалектная) речь как не стесненная какими-либо искусственными правилами.

Проецируя позицию представителей «универсально-рациональной» грамматики на изучаемые нами оппозиции, можно сделать следующий вывод. Общая грамматика представляет собой своеобразное продолжение «грамматического» подхода – пути от заданной системы правил (инварианта, отражающего свойства «языка вообще») к их

⁴ См. (Алпатов 2001, с. 49).

конкретной реализации в отдельных языках. Частная грамматика применяет указанные правила для описания отдельных языков, исходя из присущего им обихода («филологический» подход). Научное изучение языка по своей сути панхронично; «грамматическое искусство», ориентируясь на сложившееся словоупотребление, в принципе носит синхронический характер, но не исключает и учета временной перспективы, т.е. диахронического момента.

В дальнейшем признание приоритета общечеловеческого (универсально-логического) над национальным (конкретно-специфическим) могло сопровождаться указанием на необходимость принимать во внимание связь особенностей того или иного языка с этнокультурной спецификой говорящего на нем народа, что отчетливо проявилось в концепции И.Г. Гердера. Конкретные индивидуальные характеристики каждого языка стали трактоваться уже не как внешние и случайные, а в качестве весьма существенных отличительных свойств. Тем самым была создана существенная предпосылка для введения временного фактора в качестве важнейшей составляющей научного изучения языка. Это приводит к распространению концепций, пытающихся определить специфику отдельных этапов языкового развития (Дж. Вико, Э.Б. Кондильяк, И.Г. Гердер и др.).

Однако, включив в метаязык науки понятия сравнения и истории, философы языка XVIII столетия сами по себе отнюдь не дали (а скорее всего, и не ставили перед собой подобной задачи) начало сравнительно-историческому языкознанию в понимании компаративистов XIX в. Напротив, их историзм чаще всего вообще игнорировал генетическое родство, поскольку его целью было выявление *общих законов языкового развития* независимо от его наличия // отсутствия. Поэтому, И.Г. Гердер считал вполне возможным сопоставлять с данной точки зрения современный китайский с древнеегипетским, хотя вряд ли усматривал между ними какую-то особую генеалогическую близость. Подобное игнорирование было неизбежным для любого исследователя, ставящего перед собой задачу выявления общих законов исторического развития (ср. стадиальные морфологические классификации XIX столетия).

Грамматический подход, представленный в универсально-логических концепциях языка, будучи панхроничным (следовательно, антидиахронным по своему характеру), не мог сам по себе стимулировать ни изучения истории отдельных языков, ни рассмотрения проблемы их генетического родства. Для превращения *сравнения языков и истории языка* в *сравнительно-историческое языкознание* требовались другие источники.

Во-первых, это, разумеется, само понятие языкового родства как группы языков, восходящих к одному общему предку. К концу XVIII столетия оно не было новым (ср. труды Постеллуса, Скалигера, Лейбница, Тен-Кате и др.), а к началу следующего века понятие языкового родства было достаточно широко распространено, хотя и не являлось доказанным.

Во-вторых, здесь опять необходимо напомнить о роли собственно филологической работы, получившей в рассматриваемый период большой размах. Филология имеет дело с конкретными текстами, созданными в определенном месте и в определенный период, т.е. филологическое изучение всегда включено в пространственно-временную систему координат. Традиционно ее основной целью признавалось установление корпуса подлежащих изучению вариантов, относящихся к одному источнику, выявление существующих между ними сходств и различий, установление относительной древности каждого и, наконец, восстановление на их основе самого исходного текста («пратекста»), к данному моменту часто уже не существующего. Таким образом, с методологической точки зрения филология пользовалась практически всеми элементами метода *генетической реконструкции*, который всегда являлся (и остается по сей день) краеугольным камнем любого исследования в области классической компаративистики. К сказанному можно добавить, что филологический подход *принципиально* ориентирован на прошлое, поскольку

всегда имеет дело с уже созданными текстами – либо реально зафиксированными (которые, собственно, и являются объектом филологического изучения), либо предположительно существовавшими. Производство новых текстов в задачи филологии не входит – подобно тому, как задачей компаративиста в собственном смысле слова является восстановление прошлых языковых состояний, но не «обогащение» их новыми текстами. Поэтому переход от историзма стадиально-типологического к историзму генетическому был связан с филологическим подходом, а среди первых представителей компаративистики было немало ученых, принимавших участие в формировании новых филологий (Я. Гримм, Ф. Диц, А.Х. Востоков и др.). При этом наблюдался определенный конфликт с филологами-классиками, однако он носил не методологический, а методический характер, что и позволило Г. Курциусу сыграть роль своеобразного «примирителя» двух дисциплин. Правда, в работах сторонников лингвистического натурализма подчеркивалось, что по ряду моментов языковедение и филология резко различаются. При этом не ставился под сомнение тот факт, что обе области знания имеют дело с эволюцией // историей и, следовательно, категория времени является для них важнейшим методологическим понятием. Поэтому наиболее последовательные компаративисты – младограмматики, сделавшие из принципа историзма своеобразную догму, акцентировали внимание на необходимости сблизить языковедческое и филологическое изучение языка. Это встретило противодействие со стороны оппозиционных им исследователей (Ф. де Соссюр, Г. Шухардт и др.). Критика в адрес представителей Лейпцигской школы могла носить и противоположный характер («идеалистическая нефилология» К. Фосслера).

Особо стоит вопрос об отношении сравнительно-исторического языковедения XIX столетия к традициям универсально-грамматического подхода. Несмотря на методологическую противоположность их друг другу, первые компаративисты отнюдь не считали критику универсально-грамматического подхода своей основной задачей. Но в конечном итоге противопоставление между ними оказалось неизбежным - прежде всего в вопросе необходимости учета временной перспективы, т.е. с позиции историзма. Для младограмматиков историзм был равнозначен компаративизму. Для В. фон Гумбольдта и его последователей характерно понимание историзма, главным образом, в плане изучения развития *языка вообще*, что опять-таки приводило к своеобразному универсализму - уже не в статике, а в динамике. В лингвистике XX столетия наблюдалась тенденция включить концепцию Гумбольдта в общий поток «картезианской лингвистики», провозгласив непосредственную связь с «Грамматикой Пор-Рояля». Вместе с тем, критики лингвистического логицизма (в частности, Г. Штейнталь) также стремились опереться на труды Гумбольдта. Можно предположить, что истоки данного парадокса лежат в гумбольдтовском учении о форме языка, согласно которому, она и национально-специфична, и универсальна. Однако степень относительной важности каждой составляющей была для Гумбольдта иной, нежели у Арно и Лансло: если для французских рационалистов главным было именно всеобщее, то немецкий философ языка уделял основное внимание все-таки национально-культурной специфике. Поэтому считать их представителями некоей единой традиции можно лишь с очень большими оговорками.

Против полного разрыва грамматики с логикой возражал и Г. Пауль. Таким образом, сами по себе учет // отрицание общей логической базы, присущей языку как таковому и представленной в каждом конкретном языке, не влекли за собой ни отказа от историзма в компаративистско-младограмматическом понимании, ни его однозначного принятия. В обоих случаях категория времени оставалась важнейшей составляющей лингвистической парадигмы, хотя и интерпретировалась по-разному.

Аналогично обстояло дело и с распространившимся во второй половине XIX века психологизмом. В *методологическом* аспекте он был нейтрален по отношению к историзму,

хотя в *методическом* плане психологическая и историческая интерпретация языковых явлений действительно могли противопоставляться. В этом отношении показательна относящаяся к рубежу XIX-XX веков концепция А. Марти, где категория времени представлена не в двух, а в трех аспектах: изменчивое (историческое) – всеобщее (панхроническое) – конкретное состояние (синхроническое).

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько синхроническое описание языка считалось научным в дососсюровском языкознании. Часто повторявшийся структуралистами тезис, согласно которому традиционная компаративистика якобы отрицала научность описательного анализа, противоречит фактам и, по сути дела, основывается лишь на одном высказывании Г. Пауля, сделанном, к тому же, в явно полемическом контексте. Однако остается несомненным, что признание синхронического подхода к языку у младограмматиков и их коллег (включая и таких «диссидентов», как Г. Шухардт и К. Фосслер) не означало отрицание ими историчности лингвистики как таковой. Хотя в конкретных трудах и допускалось рассмотрение тех или иных явлений языка «без всяких оглядок на историю», сама по себе историческая перспектива, т.е. осознание того, что наличная стадия языка представляет собой продукт исторического развития, под сомнение не ставилась. Природа этого развития могла пониматься порой прямо противоположным образом, а в качестве его причин выдвигались такие разнородные факторы, как «натуралистическо-органические» свойства языка, индивидуальная и // или коллективная психология, «духовное творчество» народа и // или индивида, взаимодействие с другими языками и др.

Таким образом, положение Соссюра, согласно которому лингвистика XIX в. «с головой ушла в диахронию», правильнее было бы толковать как «стала рассматривать синхронию как часть диахронии». Именно этот момент, а не мнимое «игнорирование дескриптивного анализа языка», отличает данную научную парадигму от предыдущей и последующей.

Вторая глава – «Категория времени в зарубежном языкознании в постсоссюровскую эпоху» - посвящена периоду, когда в зарубежной науке о языке доминировали течения, объединяемые общим названием лингвистического структурализма. Одним из наиболее общих свойств входящих сюда направлений обычно называют приоритет синхронного описания языка. Вместе с тем, противопоставляясь в этом вопросе «традиционалистам» (под которыми, прежде всего, подразумевались младограмматики), представители новых концепций серьезно расходились между собой в трактовке как понятий «синхрония» и «диахрония», так и их взаимоотношений. В определенной степени эти расхождения брали начало в самой работе Соссюра. Ученые отмечали ряд содержащихся в ней нестыковок в понимании данного вопроса. Среди них особенно выделялись следующие: 1) признавая диахронию частью *языка* (а не речи), нет оснований отказывать ей в присущей языку системности; 2) если считать, что «все диахроническое является таковым лишь через речь» и «именно в речи источник всех изменений», то логичнее было бы отнести диахронию именно к ней; 3) утверждение о том, что «абсолютной неподвижности не существует вообще» и «все стороны *языка* (курсив наш – И.В.) подвержены изменениям», противоречит постулату, согласно которому «язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим». Таким образом, критики Соссюра вменяли ему в вину ту же самую ошибку, которую он усматривал у своих предшественников: смешение того, *что* изучается, с тем, *с какой точки зрения* изучается. Соссюр пытался преодолеть это противоречие указанием на то, что, хотя абсолютное состояние означает отсутствие изменений, изучать состояние означает пренебрегать маловажными изменениями. Однако эта попытка признавалась ими малоубедительной.

Указанные моменты стали предметом острой дискуссии между теми, кто претендовал на роль идейных наследников Соссюра. В первую очередь, это были лингвисты, представлявшие различные структуралистские и околоструктуралистские концепции.

В американской разновидности структурализма – дескриптивной лингвистике – вопрос о соотношении синхронии и диахронии занимал относительно скромное место. Хотя сами дескриптивисты, по преимуществу, занимались чисто описательным анализом, историческое языкознание, как таковое, ими не отрицалось, а во второй половине 60-х годов явственно наметилась тенденция к уравниванию обоих аспектов, сказавшаяся, в частности, в деятельности Дж. Гринберга, отмечавшего необходимость исследовать взаимосвязи, существующие между синхронической и диахронической лингвистикой как в генетическом, так и в типологическом планах (Гринберг, 2004).

В европейской лингвистике наибольшая близость собственно соссюровской трактовке, казалось, должна была наличествовать у представителей Женевской школы. По отношению к Ш. Балли это в целом оправданно (что давало повод некоторым критикам, в частности, Э. Коссериу, упрекать рассматриваемое направление в догматизме). С А. Сеше дело обстоит уже по-иному. Отмечая, что его учитель «видит разрыв там, где было бы более правильно говорить о противоречиях, о парадоксальных равновесиях» (Звегинцев 1965, с. 75), Сеше ввел понятие «лингвистики организованной речи», предметом которой является функционирование языка в условиях жизни человеческого общества. Он подчеркивал, что чисто описательная часть этой лингвистики не исчерпывает программы исследований, поэтому при объяснении и выявлении причин изменений она будет соприкасаться с диахронической лингвистикой. У него можно встретить положение о том, что диахрония изучает изолированные факты, но более внимательный анализ его концепции позволяет утверждать, что такое изучение не противоречит принципу системного подхода, а составляет с ним различные этапы одного исследования.

В Пражской лингвистической школе положение об отсутствии непреодолимых преград между синхронией и диахронией сохранялось на всем протяжении ее существования. При этом наблюдались расхождения внутри данного течения. В. Матезиус фактически отождествлял *синхронное* и *статическое*, утверждая, что «большинство проблем, которые должна решать фонология, имеет синхронический характер» (Пражский 1967, с.72). Р.О. Якобсон, вводя понятие «динамической синхронии», всегда уделял повышенное внимание исторической фонологии. Отрицательно относясь к младограмматической концепции, он видел основной недостаток Соссюра в том, что тот «предлагает новый, структурный подход в синхронии, но придерживается старых, антиструктурных младограмматических взглядов на диахроническую лингвистику» (Якобсон 1985, с. 412).

Относительно других структуралистских и околоструктуралистских течений первой половины XX в. можно отметить следующее. Для той разновидности структурализма, которая формировалась в Копенгагене, вопрос о факторе времени не мог играть существенной роли, ибо, определяя язык как систему чистых отношений, его логично рассматривать не с синхронической, а с панхронической // ахронической точки зрения. Данный момент особенно четко сформулирован в работе В. Брёндаля (см. Звегинцев 1965). Признавая, что время, как таковое, проявляется и внутри синхронии, Брёндаль вместе с тем считал его препятствием для всякой реальности, которое необходимо устранить, введя понятие панхронии или ахронии.

В связи с этим особого внимания заслуживает отношение Брёндаля к концепции Женевской школы. При некотором внешнем сходстве (и там, и там отмечалось, что диахроническая лингвистика начинает с изучения и сравнения последовательных состояний), между ними существовало и весьма серьезное расхождение. И для Ф. де Соссюра, и для его женевских последователей, при всем различии в толковании тех или иных вопросов, не

подлежал сомнению факт, что «каждому периоду соответствует непрерывная эволюция» (Соссюр), что «языку неведомы внезапные изменения, которые наблюдаются в политике, праве и даже морали и религии» (Балли), и что «состояние определенного языка в определенный период времени является промежуточным между языком вчерашним и языком завтрашним, это всегда нечто непрочное и по существу неуловимое» (Сеше). Иными словами, состояние языка представляет собой необходимую *научную абстракцию*. Для В. Брэндаля же основной задачей является *отказ от эволюционистских иллюзий*. Вместе с тем, в самих суждениях Брэндаля также отмечается противоречие: тезис о «прерывистых изменениях из одного состояния в другое без наличия промежуточных форм», плохо согласуется с положением о наличии «непрерывности во времени» двух языковых состояний, которое также признается, хотя и с некоторыми оговорками.

Позиция собственно глоссематиков, и, прежде всего, самого Л. Ельмслева была в данном пункте аналогичной: трактовка лингвистической теории как «имманентной алгебры» языка в принципе делает постановку проблемы времени излишней, поскольку предполагает подход к языку как математическому объекту, представляющему собой явление постоянное и вневременное. Поэтому глоссематики вообще отрицали трактовку состояния как переходящего момента эволюции.

Относительно мало внимания при рассмотрении интересующей нас проблемы уделяется в научной литературе Лондонской лингвистической школе, что объясняется ее исторической судьбой (относительно позднее оформление, отсутствие до середины XX века трудов обобщающего характера, характер публикаций, посвященных малоизвестным языкам и печатавшихся небольшими тиражами в специальных изданиях, и др.). Присущий Соссюру «метод антиномий» встречал здесь скептическое отношение, но само по себе указанное течение часто характеризовалось как одно из наиболее синхроничных по своему характеру. Это было обусловлено не воздействием идей женевого лингвиста, а национальными традициями описания живых языков, восходящими еще к эпохе Британской империи. Основоположник Лондонской школы Дж. Фёрс, не отрицая правомерности компаративистских исследований, отмечал, что их результаты не всегда достаточно доказательны и оставляют в стороне такие важные моменты, как социальные аспекты функционирования языка и его личностный аспект, который следует признать основной проблемой лингвистической науки.

В рамках данного течения была предпринята попытка упорядочить терминологию, связанную с фактором времени, введя понятия дескриптивного описания, представляющего полное синхронное описание языка, исторического описания, состоящего из последовательности синхронных описаний, и эволюционного описания, изучающего изменения, происходящие в языке в ходе его эволюции. Тем самым, оказались разграниченными два тесно связанных, но разных аспекта традиционной истории языка (диахронической лингвистики), относящихся к а) фиксации *результатов* (последовательность синхронных описаний), и б) анализу *процессов* (описание изменений). Но взгляды представителей Лондонской школы большого отклика в дискуссии о соотношении синхронического и диахронического подходов к языку в мировой науке не получили.

Говоря о специфике французского языкознания рассматриваемого периода, представляется необходимым отметить следующее. Хотя игравшая здесь значительную роль в первой трети XX в. социологическая школа во главе с А. Мейе сложилась не без влияния идей Ф. де Соссюра в парижский период его деятельности, именно Франция стала страной, где многие идеи «Курса общей лингвистики» усваивались с большим трудом. К середине XX столетия ситуация изменилась. Но в истории языкознания понятие Французской (или, скажем, Парижской) структуралистской школы не сложилось. Говоря о таких языковедах, как А. Мартине и Э. Бенвенист, отмечают их близость к трактовке интересующего нас

вопроса, которая была характерна для Пражской школы. Действительно, высоко оценивая концепцию Соссюра, оба названных ученых считали необходимым внести в нее ряд изменений и поправок, в первую очередь – именно по отношению к фактору времени.

Таким образом, в ряде течений внутри структурной лингвистики был поставлен вопрос о снятии соссюрской дихотомии, хотя при этом и уточнялось, что оно отнюдь не означает простого возврата к историзму в духе XIX в.

Попытку «нового синтеза» предпринял работавший в Уругвае Э. Коссериу, настойчиво подчеркивавший, что многие противоречия, имеющиеся в «Курсе общей лингвистики», связаны с тем, что на самом деле синхроническое для Соссюра – это не историческая действительность состояния языка, а «проекция его на неподвижный экран исследователя» (Коссериу, 1963, с. 148). Независимым от диахронии оказывается синхронное описание, а не реальное состояние языка. Отсюда следует, что предложенная Соссюром антиномия «снимается как противоречие, но сохраняется как различие». В связи с этим Коссериу говорит о необходимости «динамического структурализма», ссылаясь на идеи Пражской школы, оцениваемой им как наиболее перспективное, хотя и не свободное от некоторых ошибок направление. Поэтому необходимо прийти к отказу от взгляда на язык как уже реализованную систему, заменив его пониманием изменения как становления системы. Это, по мысли автора, ведет к превращению диахронии в «структуральную историю», методологической основой которой должно стать гумбольдтовское понимание языка как деятельности, т.е. изменение должно трактоваться не как модификация уже реализованной системы, а как непрерывное создание системы.

Хотя последние десятилетия XX в. действительно характеризовались значительным повышением интереса к гумбольдтовскому наследию (не ограничивавшегося рамками «неогумбольдтианства»), вопрос о «структуральной истории» начинал утрачивать свою актуальность, так как структурализм в этот период сходил с исторической арены, уступая место другим научным теориям. Теряла остроту и проблема синхронии // диахронии в том плане, который восходил к «Курсу общей лингвистики». Разумеется, сама по себе проблема времени как категории языкового исследования отнюдь не утратила своей актуальности, но на передний план вышли уже иные ее аспекты, в том числе связанные с природой человеческого языка, его происхождением, отношением к нему в различных культурах и т.п.

Третья глава – «Категория времени в русской лингвистической традиции» - посвящена рассмотрению того, что происходило в интересующем нас аспекте в русском языкознании XIX-XX столетий. Здесь необходимо отметить следующее. Хотя формирование сравнительно-исторического языкознания протекало в России и на Западе практически одновременно, отечественная наука характеризовалась несомненной спецификой, прежде всего – в плане взаимоотношения с филологией. Ряд факторов (отсутствие классической филологии как уже сложившейся дисциплины, преимущественно славистическая направленность компаративистских работ в первой половине XIX века, большая роль в них старославянского языка) приводил к тому, что сравнительно-исторические исследования как с субъективной, так и с объективной точек зрения представляли собой не разрыв с филологической традицией, а ее развитие и продолжение. Это явственно сказалось во взглядах наиболее крупных языковедов середины XIX столетия – И.И. Срезневского и Ф.М. Буслаева.

И.И.Срезневский, включая сравнительно-историческое изучение языка в общее понятие «гуманитарно-филологической науки», тем самым резко отличался от А. Шлейхера, с которым его часто сближали. Ф.М.Буслаев, квалифицируя споры между филологами и лингвистами как «некое недоразумение», подчеркивал, что оба подхода могут вполне гармонизировать друг с другом. Подобный взгляд на взаимоотношение между двумя

дисциплинами (с упоминанием присущих им различий) был характерен для большинства представителей отечественной лингвистической традиции рассматриваемого периода, хотя встречалось (например, у В. Яроцкого) и стремление к их размежеванию. Но всегда отмечалось, что методы обеих включают исторический компонент, т.е. основаны на учете временной перспективы.

Когда в последней трети XIX в. в России происходило формирование различных школ и направлений теоретического языкознания, то встал вопрос об их отношении к филологической традиции.

В первую очередь, обычно вспоминают А.А. Потебню, считавшего, что между явлениями языка и литературы (а следовательно, и теми дисциплинами, которые их изучают) существует достаточно заметная аналогия. Присущее ему отрицательное отношение к натуралистической концепции А. Шлейхера влекло за собой и критическую оценку его попыток разграничить в языке лингвистические и филологические области. В дальнейшем «филологический синкретизм» созданной харьковским языковедом научной школы в наиболее четкой форме выразил его ученик Д.Н. Овсяннико-Куликовский, утверждавший, что к концу XIX в. «совершенно ясно обнаружилась тенденция не только к сближению, но и к слиянию лингвистики с филологией» (Овсяннико-Куликовский 1896, с.5). При этом он указывал на близость такой трактовки к взглядам К. Бругмана, хотя к концепции младограмматиков сам А.А. Потебня относился резко отрицательно.

Для Ф.Ф. Фортунатова также было характерно сочетание собственно лингвистических и филологических интересов. Подробно он на этой проблеме не останавливался; но в высказываниях его учеников, например, В.К. Поржезинского, взаимосвязь двух дисциплин была заявлена с полной отчетливостью. Слушателями Фортунатова являлись М.М. Покровский, применивший лингвистические методы своего учителя в области классической филологии, и два крупнейших филолога-русиста – А.А. Шахматов и А.И. Соболевский (хотя последний во многом отошел от позиций основанной Фортунатовым Московской лингвистической школы).

Таким образом, говоря о направлениях русского языкознания, связанных с именами А.А. Потебни и Ф.Ф. Фортунатова, при всем их отличии друг от друга, можно отметить их филологизм.

В противоположность им, И.А. Бодуэна де Куртенэ часто характеризовали как «антифилолога», неоднократно указывавшего на «особый характер филологического языкознания, заключающийся в извращенном методе исследования», при котором идут «от старого к новому, от недоступного к доступному, от литературы, от памятников языка к самому языку» (Бодуэн де Куртенэ I, с.205). Если у представителей «генетического историзма» - как в Москве, так и в Лейпциге – филологический подход с методологической точки зрения составлял необходимый компонент исследования, то для синхрониста Бодуэна обращение к филологическим исследованиям было явным выходом за пределы лингвистической науки. Отсюда его призыв к коллегам «объединиться скорее с кафедрами естественно-научными», а не с филологическими, хотя к натурализму вообще и А. Шлейхеру в особенности он всегда относился весьма негативно. Говоря о связанной с его именем Казанской лингвистической школе, историки науки также отмечали, что это была «одна из самых «антифилологических» школ, что резко отличало ее от других школ дореволюционной России, филологических по преимуществу» (С.Б. Бернштейн 1972, с. 143).

В лингвистической историографии предпринимались попытки пересмотреть подобную квалификацию «линии Бодуэна». Такой пересмотр представляется нам оправданным, поскольку речь идет о его петербургских учениках, на взглядах которых отразились процессы, происходившие в начале прошлого века в отечественной науке. Прежде всего, это возрастающий интерес к проблемам литературного языка, требовавший исследования ряда

вопросов, традиционно относимых к области филологического изучения. Затем можно отметить внимание к проблемам художественной речи, ярко отразившееся в деятельности ОПОЯЗа. Далее, многие литературоведы стремились при разработке филологических проблем опереться на достижения лингвистики. Указанная тенденция проявилась в деятельности основоположника исторической поэтики А.Н. Веселовского. Говоря о задачах созданного им в 80-е годы XIX в. Неофилологического общества, он подчеркивал важность изучения проблем языка. Позднее, при активном участии переехавших в Петербург казанских учеников Бодуэна де Куртенэ – С.К. Булича и В.В. Радлова, была создана лингвистическая секция, в работе которой активно участвовали и сам Бодуэн, и его петербургские последователи.

Можно добавить, что Булич и Радлов, помимо своего непосредственного учителя, были слушателями А.А. Шахматова и А.И. Соболевского, что также стимулировало развитие «филологических симпатий». Эта тенденция отразилась в высказываниях Л.В. Щербы.

Для молодого поколения ученых, вышедших из рядов как Московской, так и Петербургской школы, активная деятельность которых началась уже в послереволюционные годы (В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Л.П. Якубинский и др.), характерно стремление к увязке собственно лингвистических вопросов с широкой филологической проблематикой.

В истории отечественной науки отмечались и тенденции противоположного характера: стремление изучать язык «в себе самом и для себя», характерное, в частности, для концепции Московской фонологической школы; увлечение практическими задачами языкового строительства, часто сопровождавшееся прямолинейным внедрением классовой точки зрения на язык, и др. Определенную роль играли и сложности объективного порядка, в частности, резкое сокращение публикации письменных памятников в связи с переживаемыми страной трудностями.

В целом, вплоть до середины 50-х годов советская наука сохраняла традиции филологического подхода. Позднее формирование в СССР собственно структурализма и связанный с этим «бескомпромиссный синхронизм» нередко воспринимался некоторыми учеными как «дефилологизация» языкознания и даже его «дегуманизация». Вместе с тем в среде структуралистов наблюдалось стремление применить структурно-семиотические методы и к традиционно относимым к филологии проблемам (работы Б.А. Успенского, Ю.М. Лотмана и др.).

Приблизительно со второй половины 60-х годов в отечественном языкознании начинает отражаться влияние идей происшедшей за рубежом хомскианской революции и отдельных положений неогумбольдтианства. В некоторой степени оно проявилось в работах В.А. Звегинцева, уделявшего достаточно много места критике филологического подхода, зачастую повторяя при этом соответствующие высказывания И.А. Бодуэна де Куртенэ и его последователей.

Однако по ряду причин как объективного, так и субъективного порядка, ни хомскианство как таковое, ни тем более, неогумбольдтианство, в семидесятых - первой половине восьмидесятых годов доминирующей роли в отечественной науке играть не могли. Сама проблема взаимоотношения языкознания и филологии в значительной степени утратила остроту, и ее стали воспринимать как имеющую скорее исторический интерес.

Рассмотренная черта русской лингвистической традиции в значительной степени повлияла и на разрешение вопроса о взаимоотношении *описательного и исторического изучения языка*. При всем различии концепций таких ученых, как А.А. Потемня, Ф.Ф. Фортунатов и И.А. Бодуэн де Куртенэ, можно заметить между ними определенную схожесть. Они неоднократно подчеркивали необходимость четко разграничивать данное состояние языка от предыдущих и последующих; далее, у всех троих (включая и имеющего репутацию

«последовательного синхрониста» Бодуэна) встречаются суждения о том, что научное изучение языка должно носить исторический характер. При этом необходимо принимать во внимание, что за схожими формулировками могли скрываться и весьма существенные расхождения в трактовке сущности историзма. У Фортунатова он носил сугубо компаративистский характер. Потебня, занимавшийся, главным образом, славянскими и балтийскими языками, *по материалу* также оставался в рамках сравнительно-исторического языкознания, однако *по методике* и, особенно, *цели исследования* (анализ эволюции типов предложения в связи с развитием человеческого мышления) его труды носили историко-типологический характер, принципиально допуская включение материала иносистемных языков. На это обратил внимание Д.Н. Овсяннико-Куликовский (Овсяннико-Куликовский 1896). У Бодуэна де Куртенэ можно отметить своеобразную синтезирующую тенденцию: допускается а) сравнительное изучение неродственных языков; б) исследование родственных языков с целью проследить общие закономерности их развития; в) историко-типологическое исследование неродственных языков во временной плоскости, т.е. выявление неких общих законов эволюции.

Если в плане *теоретических деклараций* особую разницу между рассуждениями отечественных лингвистов и высказываниями их зарубежных коллег (включая тезис, согласно которому научное языкознание есть по своему характеру языкознание историческое) уловить сложно, то в отношении их реализации на практике дело обстоит по-иному.

В дососюрговскую эпоху в западноевропейском языкознании напоминания о том, что описание – это тоже научная работа, носили все-таки «штучный» характер. В России считалось, что раз описательное языкознание – часть исторического (т.е. научного) языкознания, то никаких особых доказательств его научности не требует. Поэтому такие суждения можно встретить во многих (если не в абсолютном большинстве) выходящих на рубеже XIX-XX столетий работ, проблематика которых соприкасалась с языковым описанием, независимо от того, из рядов какого направления вышли их авторы.

При этом каждое направление по-разному решало вопрос о том, как должно осуществляться взаимодействие между описательным и историческим языкознанием в конкретной исследовательской практике. Здесь также необходимо учитывать и несовпадение понятийно-терминологического аппарата, использовавшегося разными учеными.

Так, у А.А. Потебни оно интерпретируется как соотношение между этимологией и синтаксисом, поскольку при анализе того или иного факта «мы... а) или определяем его, что возможно только из контекста, из сочетания его с другими – точка синтаксическая; б) или изыскиваем путь, которым язык дошел до этого значения – точка зрения этимологическая» (Потебня 1958, сс. 47-48). Далее он – вполне в историческом духе – постулирует не только тесную связь между двумя точками зрения, но и необходимость соблюдать при описательном анализе историческую перспективу, чем по существу снимает противоречие между ними. Это создавало возможность различных интерпретаций суждений Потебни со стороны его учеников и последователей. Наиболее наглядно возможность подобного разночтения проявилась в полемике между Д.Н. Овсяннико-Куликовским и Д.Н. Кудрявским. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, формулируя позицию Потебни, настаивал на необходимости при объяснении фактов современного языка исходить как из его нынешнего состояния, так и последовательно проводить «эволюционную перспективу и историческую точку зрения». Д.Н.Кудрявский упрекал своего коллегу в том, что тот все же отрывает описание от истории, нарушая завет учителя. В этом вопросе Д.Н. Кудрявский, будучи последовательным потебнианцем, по существу не расходился с весьма далеким от Потебни младограмматиком Г. Паулем. Оба считали, что адекватное описание языка возможно только с учетом временной перспективы, поскольку только она позволяет установить, что действительно

относится к рассматриваемому периоду, а что принадлежит прошлым или – если описывается какой-либо пройденный этап языковой эволюции – будущим его состояниям.

Приблизительно такая же ситуация наблюдалась в начале XX в. и в Московской лингвистической школе. Здесь никто *в принципе* не стал бы возражать против того, что факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении, но при этом наблюдались существенные расхождения, как только дело доходило до конкретной реализации данного принципа. Показателен в этом отношении спор между Е.Ф. Будде и А. М. Пешковским по поводу книги последнего «Русский синтаксис в научном освещении». Будде упрекал автора в том, что тот прибегает к истории языка «выборочным» образом, следуя ей в одних случаях и «сознательно игнорируя» в других. Пешковский же теоретически обосновывал право на подобную непоследовательность, мотивируя ее так: сама по себе историческая перспектива в методологическом плане – вещь для языкового описания абсолютно необходимая; однако ее актуализация (т.е. введение тех или иных ссылок исторического характера в описательный труд) представляет собой уже момент чисто методического характера, который разрешается в каждом конкретном случае в зависимости от задач, поставленных исследователем.

В этой связи целесообразно вспомнить крупнейшего ученика Ф.Ф. Фортунатова – А.А. Шахматова, известного своим современникам, главным образом, именно как историк языка. Когда в 20-е годы XX века началась посмертная публикация созданного им «Синтаксиса русского языка», многие усмотрели в названном труде самостоятельную эволюцию от историзма к синхронизму (Истрина 1941, С.И. Бернштейн 1920 и др.). Мы считаем, что в данном случае нет оснований противопоставлять в *методологическом плане* названный труд А.А. Шахматова, скажем, более раннему «Очерку современного русского литературного языка», поскольку в принципе в обеих книгах историческая перспектива учитывается, хотя и в разной степени.

Что касается той линии русского языкознания, которая связана с именем И.А. Бодуэна де Куртенэ, то в предреволюционные годы некоторые высказывания ее представителей воспринимались не как утверждение необходимости описательных трудов (чего, как мы видели выше, никто в отечественной науке в принципе не отрицал), а как некое отрицание историзма. Это наглядно проявилось на защите докторской диссертации Л.В. Щербы, посвященной восточнолужицкому наречию. Автор подчеркивал, что в описательной части он намеренно отказывается от каких бы то ни было исторических объяснений, принимая во внимание исключительно сознание говорящих, что вызвало резкие возражения со стороны А.А. Шахматова.

Восприятие «Курса общей лингвистики» в России на рубеже десятых-двадцатых годов прошлого века в значительной степени сосредоточилось на вопросе о том, как соотносятся друг с другом описательное и историческое языкознание. Наиболее показательной была реакция тех, кто относил себя к бодуэновской школе. Ее представители (Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, С.И. Бернштейн и др.) неоднократно заявляли (в том числе и в печати), что ничего принципиально нового в данном отношении книга Соссюра для них не содержит, а поэтому и говорить о каком-либо особом влиянии с ее стороны не приходится. Во многих принадлежащих им работах этого периода подчеркивается уже не превосходство синхронического анализа над диахроническим, а напротив, недопустимость разрыва той естественной связи, которая между ними существует. Возвращаясь к мысли Л.В. Щербы о «динамическом синхронизме» Бодуэна, можно сказать, что в ее трактовке его учениками наблюдаются определенные изменения.. Если в предыдущие годы обращали внимание на синхронический аспект в концепции Бодуэна, то в 20-е годы XX века на передний план в большей степени выдвигался динамический аспект. Среди причин, объясняющих

отмеченный «сдвиг», выделяют, в частности, актуализацию проблемы продуктивности языковых категорий, имеющую ярко выраженный диахронический характер.

Переходя к тому, как отнеслись к книге Ф. де Соссюра лингвисты Московской школы, следует выделить старшее поколение, сохранявшее верность основным идеям фортунатовской традиции, и молодое, представители которого были склонны к пересмотру ряда положений, в том числе – и путем обращения к идеям, изложенным в трудах Бодуэна де Куртенэ и основанного им направления.

Говоря о первой группе, можно констатировать, что здесь имело место осторожное принятие. Для фортунатовской школы в целом был характерен интерес к описательному анализу языка, и это считалось научным занятием, поэтому тезис, согласно которому синхроническая лингвистика обладает самостоятельным статусом, возражений вызвать не мог. Но они весьма сдержанно относились к тем местам «Курса общей лингвистики», где утверждалось полное и «не терпящее компромиссов» противопоставление синхронической и диахронической точек зрения, а тем более к тезису о «превосходстве» первой над второй. Это приводило порой к попыткам интерпретировать Соссюра таким образом, который позволил бы сохранить за историческим языкознанием достойное место.

Подобное отношение явственно проявляется в откликах на «Курс общей лингвистики» М.Н. Петерсона, Н.Н. Дурново и А.М. Пешковского. При всем расхождении названных ученых друг с другом, здесь они выступали единым фронтом, отстаивая позицию «разграничения без разрыва» и предостерегая от замены прежней «диахронической односторонности» односторонностью синхронической. Характерно, что и представитель Московской школы Н.Н. Дурново, и представитель Женевской школы С. Карцевский, считали едва ли не основным недостатком Пешковского то, что он все еще не мог отказаться от экскурсов в область прошлого языка в целях объяснения его настоящего.

Вынесенный из фортунатовской школы интерес молодого поколения к исторической проблематике сказывался и здесь. Впоследствии Р. Якобсон даже говорил о присущей Н.С. Трубецкому «исторической установке», следствием которой явилось равнодушие к той самой фонологической тематике, которая стала впоследствии ведущей в его научном творчестве (Jakobson 1966, S. 538-539). Однако в целом представители молодого поколения высказывались более «по-соссюровски», чем их старшие коллеги. Показательна позиция Г.О. Винокура, утверждавшего, что «игнорирование» истории при изучении языковой системы вполне оправданно и что именно синхронный анализ позволяет по-настоящему познать не только историю языка, но и его внутреннюю динамику (позиция, перекликавшаяся со взглядами последователей «линии Бодуэна»).

В эти же годы Г.О. Винокур неоднократно подчеркивал необходимость сближения языкознания с филологией, историческая направленность которой была для него бесспорной. Позднее, в начале 40-х годов, подводя итог своим рассуждениям в статье «О задачах истории языка», он заострял внимание на необходимости разграничивать понятие «история» в собственно компаративистском и философски-лингвистическом аспектах, а также указывал, что сами понятия синхронии и диахронии нуждаются в серьезной корректировке. Положение о системном характере языка должно сохранять силу и тогда, когда речь идет об изучении его прошлых состояний (т.е. подлинная история языка является «статической» при всей неудачности этого термина). Но нельзя останавливаться на анализе системы языка только в одну эпоху его существования, так как необходимо выявить закономерные отношения ее к предшествующим и последующим эпохам. Отсюда следует, что противопоставление «синхронии» и «диахронии» в языке есть противопоставление мнимое.

Критику соссюровской концепции синхронии и диахронии можно найти и в вышедшей под именем В.Н. Волошинова книге «Марксизм и философия языка», обычно приписываемой

М.М. Бахтину. В этом вопросе согласие с позицией автора выразила и имевшая в 20-е годы репутацию едва ли самого последовательного «соссюрианца» Р.О. Шор.

Для набиравшего в эти годы силу «нового учения о языке» тезис об абсолютном характере противопоставления синхронии и диахронии был неприемлем в принципе. Понятие «историзма» здесь было подвергнуто коренному переосмыслению и резко противопоставлялось компаративизму, принимая либо глоттогонический, либо историко-типологический характер, зачастую весьма спорный. Однако принцип – изучать настоящее в неразрывной связи с прошлым – считался важнейшим методологическим принципом.

Таким образом, антиномия Соссюра «синхрония // диахрония» вызвала в отечественной науке весьма оживленные и разноречивые отклики. Но лингвистов, которые пошли бы за автором «Курса общей лингвистики» в этом вопросе до конца, даже из числа так называемых «русских соссюрианцев», назвать довольно сложно. Аналогично обстояло дело и в Пражской школе, которая была тесно связана с русской лингвистической традицией.

После лингвистической дискуссии 1950 г., не только восстановившей в правах сравнительно-историческое языкознание, но и фактически отождествившей с ним науку о языке в целом, принцип историзма не мог ставиться под сомнение. С середины пятидесятых годов, в связи с общим изменением ситуации в стране и несколько запоздалым «структуралистским самоопределением», проблема взаимоотношения синхронии и диахронии стала вновь одной из наиболее дебатированных, зачастую интерпретируясь как полемика между традиционалистами и структуралистами.

Обвинение структуралистов в «неправомерном разрыве между синхронией и диахронией» строилось по двум основным направлениям: а) «методологически-философскому» (языкознание – общественная наука, а согласно марксистско-ленинской философии, в общественных науках необходима историческая точка зрения) и б) собственно-лингвистическому: в современном состоянии языка существуют явления, объяснить которые можно, только обращаясь к прошлому. По сути, этот довод повторял формулу Г. Пауля: «Как только мы выходим за пределы простого констатирования отдельных фактов, как только мы пробуем установить связи и постигнуть явления, мы тотчас вступаем на историческую почву, возможно, даже не сознавая этого» (Пауль 1960, с. 42). Но немецкий лингвист основывался не на социологизме, а на индивидуальной психологии. Поэтому критикуемые структуралисты могли, в свою очередь, выдвигать против своих оппонентов контраргументы мировоззренческо-философского порядка, обвиняя их в «традиционном позитивизме».

Отношение к структурализму (в широком смысле этого термина) в указанный период знало свои приливы и отливы. Так, приблизительно до конца шестидесятых годов можно говорить, скорее, об относительной благожелательности, свидетельством которой, может служить выпущенный в 1964 г. Институтом языкознания АН СССР коллективный труд «Основные направления структурализма». В последующие же десять-пятнадцать лет в официальной советской науке преобладали критические ноты. В какой-то степени это могло быть связано и с факторами экстралингвистического порядка, в частности – с политической позицией многих структуралистов. Порой это приводило к использованию аргументации, находившейся за собственно научными пределами.

В середине восьмидесятых годов экстралингвистический контекст проблемы взаимоотношения синхронии и диахронии потерял актуальность. И в чисто научном плане она постепенно утрачивала свою остроту, так как в отечественном, как и мировом языкознании на передний план стали выдвигаться другие задачи.

Четвертая глава диссертационной работы - «Мертвый язык: общелингвистические и переводческие аспекты проблемы» - посвящена проблеме мертвых и сакральных языков, а

также так называемому диахроническому переводу. Отвергнув натуралистическую концепцию языка еще в семидесятые годы XIX века, лингвисты последующих поколений «по умолчанию» сохранили чисто биологическое по характеру деление языков на «живые» и «мертвые»⁵ - вместе с такими терминами, как «родственные языки», «семья языков», «генеалогическая классификация языков» и т.п. Большого же интереса к уточнению самого *статуса* «мертвых языков» почти ни одно научное направление не проявляло. Для самих «натуралистов» языки, «не живущие в устах народа», являлись (как и вообще письменная форма языка) искусственным образованием, скорее подлежащим филологическому изучению. Младограмматики также признавали наиболее важным материалом для исторического исследования «непритязательный каждодневный язык», поскольку он лучше отражал психические процессы говорящего человека, не подвергался сознательному воздействию и, следовательно, больше отвечал требованиям историзма в тогдашнем понимании. Аналогичная позиция характеризовала и основоположников структурализма – как европейского, ставившего в упрек филологической традиции то обстоятельство, что «она питает слишком рабскую приверженность к письменному языку и забывает о живом языке» (Соссюр 1977, с. 39), так и американского, постоянно подчеркивавшего, что «мы всегда должны предпочесть слову написанному слово звучащее» (Блумфилд 1968, с. 36). Принцип строго синхронного анализа мог применяться и к мертвым языкам, но их специфика в собственно структуралистскую проблематику практически не входила, как лежащая за пределами «внутренней лингвистики». Наконец, для гумбольдтианской традиции и возводивших к ней свою научную родословную языковедов XX столетия – от Вайсгербера до Хомского - статус таких языков также не находился в центре внимания (хотя сами по себе они и могли изучаться).

Указанные моменты привели к неоднозначности в понимании и истолковании термина «мертвый язык». В последние годы предпринимались попытки дифференцировать различные типы мертвых языков (см., например, Мусорин 2003). Тем не менее, до конца эта проблема не может считаться решенной.

Прежде всего, встает вопрос о критерии, на основании которого язык квалифицируется как «мертвый». Обычно им признается фактор социального порядка – наличие // отсутствие коллектива, для которого он является родным, с оговоркой, что язык перестает быть «мертвым» в случае появления такового. В качестве примера традиционно фигурирует возрождение иврита в Израиле.

Данный подход в целом может быть признан правомерным. Мы считаем, что для «воскрешения» того или иного мертвого языка, даже с чисто теоретической точки зрения, необходимо также следующее условие: традиция использования данного языка в качестве коммуникативного средства (хотя бы в ограниченных сферах употребления) должна носить – в том числе и в устной форме - непрерывный характер. С древнееврейским языком, к которому восходит современный иврит, дело обстояло именно так. Перестав быть «живым», он продолжал активно использоваться как культовый и литературный язык, продуцируясь не только в письменном, но и в устном виде.

В этом смысле могли бы быть (*теоретически*) предпосылки для «воскрешения» (т.е. превращения в *родной*) у латинского языка; но по отношению, скажем, к урартскому или хеттскому ситуация представляется принципиально иной.

Таким образом, «мертвым» в собственном смысле слова целесообразно признавать такой язык, на котором перестает осуществляться речевая деятельность, перестают продуцироваться новые тексты. В данном случае речь не идет о различных экспериментах, предпринимаемых с педагогическими или чисто научными целями (например, реконструкция

⁵ Названные понятия употреблялись задолго до появления лингвистического натурализма как особого научного направления.

предполагаемого в качестве исходного арамейского текста Евангелий, дошедших до нас лишь в греческих версиях). Что касается таких языков, как древнееврейский до середины прошлого века, латинский или в определенной степени классический арабский, то их можно охарактеризовать как языки, *не обладающие функцией родных*, или *квазимертвые*.

Рассматриваемая проблема имеет и другую сторону. Речь идет о том, в каких случаях следует говорить о разных стадиях развития одного языка (непрерывная традиция), а когда - о разных языках (прерывающаяся традиция). Здесь мы сталкиваемся с действием принципа *poen est omen*. В этой связи можно сопоставить оппозиции латинский язык // романские языки, древнерусский (общевосточнославянский) язык // русский, украинский и белорусский языки, древнеанглийский // новоанглийский языки. С чисто лингвистической точки зрения отношения здесь весьма схожи, однако латинский в генеалогической классификации практически всегда рассматривается по отношению к своим «потомкам» как другой язык, тогда как выделять в качестве отдельного мертвого языка древнеанглийский не принято.

Такого рода нелогичность объясняется, с нашей точки зрения, именно квазимертвым характером языков, подобных латыни. Действительно: в новоанглийскую эпоху тексты на древнеанглийском (исключая случаи научного или педагогического характера) никаким языковым коллективом не продуцировались, вследствие чего он и осознавался как тот же самый язык на ранней стадии своего существования. С латынью же на романоязычных территориях дело обстояло по-другому. Это могло оказать влияние на понимание романских языков как иных по отношению к латыни по принципу «разные имена – разные языки». В некоторой степени аналогичная ситуация наблюдается с оппозицией старославянский (церковнославянский) язык // современные южнославянские языки

Рассматриваемая проблема имеет еще один аспект – употребление тех или иных языков после признания их «мертвыми» в определенных сферах речевого поведения, прежде всего – в области религиозного культа. Здесь можно отметить недостаточную дифференцированность таких понятий как «пророческие (профетические)», «апостольские (посланнические)», «культовые (ритуальные)», «конфессиональные» и «сакральные» языки (см. Мечковская 1998; Мечковская 2001 и др.).

Мы считаем целесообразным предложить следующие дефиниции приведенных выше терминов:

«Сакральный» («культовый») – такой язык, который в глазах пользующихся им для религиозных нужд людей трактуется как получивший божественную санкцию для использования в религиозной сфере. Он рассматривается соответствующим коллективом // коллективами как возвышающийся над идиомами, не имеющими подобного статуса. В качестве примера можно назвать классический арабский, латинский и др. Эти языки могут применяться и в других сферах речевого общения (наука, образование, государственное управление и др.).

«Конфессиональный» - такой язык, который допущен в сферу богослужения, но сам по себе не обязательно трактуется как священный (например, народные языки Европы в эпоху Реформации).

«Ритуальный» - такой язык, использование которого, начиная с определенного для него периода, достаточно жестко ограничено сферой религиозного ритуала и не выходит за его пределы. В настоящее время с некоторыми оговорками сюда можно отнести такие языки как ведийский, коптский, церковнославянский.

Что же касается таких наименований, как «апостольские», «пророческие» и т.п. языки, то ввиду присущего им теологического характера применение их в собственно лингвистических трудах вряд ли оправдано.

Достаточно сложен вопрос о соотношении сакральных языков с народными. Помимо случаев, когда сакральным становится язык, исходно чужой языковому коллективу (латынь

для нероманских народов, арабский для всех народов неарабского происхождения, исповедующих ислам, и т.п.), отмечаются случаи использования в качестве такового родного (например, грузинский, армянский) или близкородственного (например, старославянский для восточных славян) языка. Используемая в таком качестве разновидность языка не совпадала с народно-разговорной формой. Здесь можно говорить лишь о разновидности диглоссии, не ограничивающейся рамками исключительно религиозно-культурной сферы.

После приобретения языком статуса сакрального (resp. конфессионального) вопрос об устойчивости той его формы, которая была зафиксирована в священных текстах, должен был приобрести особую остроту, формулируемую обычно как проблема сохранения языковой нормы. Так как любая норма фиксирует уже сложившееся употребление, в качестве наиболее заметной черты «языкового идеала» часто называют стремление противостоять фактору времени. По классической формулировке А.М. Пешковского, «из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади» (Звегинцев 1965, с. 293).

Любое изменение языка, на котором когда-то был создан священный текст, можно рассматривать как «порчу». Указанное обстоятельство, наряду с рассмотренными в первой главе нашей работы, в значительной степени способствовало появлению лингвистических традиций. Именно так объясняли возникновение древнейшей из известных лингвистических традиций – индийской.

Данный аспект вновь возвращает нас к вопросу о правомерности постулата, согласно которому все лингвистические традиции зарождались как реализация синхронного подхода к языку, т.е. как фиксация его состояния в определенный хронологический период. Нельзя не принимать во внимание, что, осуществляя нормализаторскую деятельность, их представители должны были не просто описывать, а в той или иной степени *корректировать язык* и – особенно если речь шла о языке сакральном – стремиться *законсервировать* это состояние, трактуемое как «идеальное», всегда представляющее собой искусственную конструкцию. Таким образом, фактически ставилась цель вывести язык священных текстов из-под воздействия времени, т.е. перейти от синхронии к *ахронии*. В самом деле: если религиозные истины представляют собой вечные и неизменные догмы и если установлена изначальная языковая форма, то ее изменение равносильно святотатству и не должно иметь места ни при каких обстоятельствах.

Но с течением времени и сакральный язык – даже когда он становился мертвым – неизбежно искажался (т.е. эволюционировал). С одной стороны, проявлялось стремление вернуться к первоначальной «чистоте» когда-то зафиксированной нормы; с другой – сами эти искажения могли приобретать силу традиции, и уже отказ от них начинал восприниматься как своего рода «покушение на святыню» значительной частью конфессиональной общности.

В качестве примера можно привести происходивший в эпоху Возрождения спор о латинском переводе Нового Завета, принадлежавшем Эразму Роттердамскому, который корректировал признанный ортодоксальный текст Вульгаты Иеронима. Если отвлечься от его религиозно-политической составляющей, то, по существу, был поставлен вопрос о том, может ли сакральный текст, подобно любому другому речевому произведению, рассматриваться в диахроническом плане, т.е. как не полностью тождественный себе в различных синхронных состояниях, или же, будучи по своей природе ахроничным, он должен быть принят в том виде, в каком его донесла традиция и в каком он известен в настоящий момент.

Именно первый из названных подходов был характерен для гуманистической филологии при анализе языковой стороны Вульгаты. Поэтому применительно к эпохе Возрождения можно говорить о «процессе, который целесообразно назвать «десакрализацией» перевода

(именно латинского перевода, а не Священного Писания как такового) и «филологизацией» отношения к нему. Иными словами, принципы филологического анализа... стали отныне распространяться и на тексты религиозного характера» (Нелюбин, Хухуни 2003, с. 70).

При этом ни сам Эразм, ни поддерживавший его Томас Мор не делали из филологической дискуссии выводов, противоречащих официальной католической доктрине. Но уже само по себе введение сакрального текста в диахронический процесс и, как следствие, десакрализация его языковой формы создавали предпосылки для весьма существенного вывода. Если допустимо, «обозначая одно и то же слово, использовать разные слова», т.е. если признавать принципиальную возможность вариативности выражения в сакральном тексте, то логично предположить, что – как это утверждал Константин Философ – религиозное содержание может быть выражено и в другой языковой форме. Тем самым, открывался путь для замены *сакрального языка конфессиональными языками* (например, мертвой латыни живыми народными языками). Этот процесс имел место там, где утвердился протестантизм, а во второй половине XX века и в католической традиции.

Рассматривая фактор времени в интересующем нас аспекте, нельзя не отметить и другой тенденции – возможного «усиления сакрализации», причем в силу не только чисто религиозных, но и культурно-исторических причин. Наиболее наглядным примером здесь может служить вопрос о культовом языке Русской Православной Церкви.

В отличие от католицизма, канонизировавшего Вульгату, православная церковь формально не имеет догматизированного текста. Принципиальных препятствий для включения его языковой формы в ось диахронии здесь не существовало. Однако попытки внедрить современный русский язык в богослужебную практику до нынешнего дня успеха не имели.

Таким образом, рассматривая вопрос о действии фактора времени применительно к языкам, обладающим «священным» статусом, можно говорить о наличии здесь двух основных тенденций: 1) «десакрализация», т.е. утеря данным конфессиональным языком своего исключительного статуса (наиболее ярким примером подобного развития является латынь); 2) «вторичная сакрализация», как это имеет место с церковнославянским языком в богослужебной практике Русской Православной Церкви. Преобладание одной из тенденций в те или иные эпохи в различных конфессиях определяется целым рядом сложных и нередко противоположных по своему характеру факторов, конкретные проявления которых в каждом отдельном случае требуют самостоятельного исследования.

Вопрос о «временной дистанции» не ограничивается исключительно текстами сакрального характера. С ним приходится сталкиваться всякий раз, когда ставится задача межъязыковой передачи несовременного текста, т.е. когда возникает необходимость осуществления «хронологически асимметричной коммуникации».

В работах по теории перевода можно отметить два основных подхода к пониманию такого рода межъязыковой передачи: собственно лингвистический (перевод на современный язык текста, написанного на языке предыдущей эпохи) и лингвокультурный (наличие между оригиналом и переводом значительной временной дистанции, обуславливающей коренные различия в экстралингвистических характеристиках соответствующих эпох). При этом языковые и культурные составляющие не всегда соответствуют друг другу. Так, английский язык XVII и XVIII столетий принято рассматривать как один и тот же исторический период - новоанглийский (Modern English), поскольку происшедшие в нем за указанный период времени изменения не привели к коренному преобразованию языковой системы. Следовательно, с чисто лингвистической точки зрения выполненный в наши дни перевод на русский язык, скажем, произведений Д. Дефо не может квалифицироваться как диахронический.

В лингвокультурном плане ситуация выглядит иначе.

В соответствии с дефиницией Л.Л. Нелюбина (Нелюбин 2003, с. 46) термин «*диахронический перевод*» целесообразно сохранить для тех случаев, когда текст передается с прежнего состояния того или иного языка (например, древне- или среднеанглийского) на какой-либо язык, современный исходному языку на момент перевода (например, современный русский). В том случае, когда речь идет о передаче текстов, созданных в иные эпохи и при иных экстралингвистических условиях, но не относимых к предшествующим этапам развития с точки зрения традиционной истории соответствующего языка (например, английские произведения XVII-XVIII столетий на современный русский язык), представляется более уместным говорить о «*хронологическом переводе*». Такой подход кажется наиболее оправданным, когда объектом исследования являются языки, где трудно выделить отдельные эпохи языковой эволюции (например, исландский).

В *заключении* подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы по содержанию работы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Время как металингвистическая категория. - М.: Изд-во МГОУ, 2006. - 202 с.
2. Межкультурная адаптация художественного текста. - М.: Изд-во «Прометей», 2003. - 172 с. (в соавт.)
3. Основы социолингвистики. /Учебн. пособие/ - М.: Изд-во «Народный учитель», 2000. - 60 с.
4. Сравнительно-историческая, типологическая и ареальная лингвистика. /Учебн. пособие/ - М.: Изд-во МГОУ, 2003. - 64 с.
5. Языкознание и филология в русской лингвистической традиции XIX – первой половины XX века. // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. - М.: МГЭИ, 2004. - Вып.7. - С. 238-247 (в соавт.)
6. Переводческие аспекты межкультурной адаптации художественного текста. // Вестник МГЛУ, серия «Лингвистика» - М.: Изд-во МГЛУ, 2004. - Вып.483 «Языковое сознание и межкультурная коммуникация (в соавт.)
7. Статика и динамика языка: фактор времени в русской лингвистической традиции конца XIX - начала XX века. // Вестник МГОУ, серия «Лингвистика» - М.: Изд-во МГОУ, 2005 - №6 - С.7-14
8. Сакральные языки и фактор времени. // Вестник МГОУ, серия «Лингвистика» - М.: Изд-во МГОУ, 2005 - №6 - С.14-21
9. Универсальное и специфическое в европейской лингвистической традиции XVII-XIX веков: от «философско-логического» к «сравнительно-историческому». // Филологические науки в МГИМО.: Сб. научных трудов. - М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2006. - №22(37) - С.98-105
10. «Филологический» и «грамматический» подходы к языку: фактор времени в античной и средневековой традиции. // Филологические науки в МГИМО.: Сб. научных трудов.- М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2006 - №23(38) - С.6-14
11. Средневековая христианская культура и проблемы перевода. // Теория и практика перевода.: Научно-практич. журнал.- М.: Изд-во «Тезаурус», 2005 - №1 - С.80-84 (в соавт.)
12. Время как фактор языковой рефлексии. // Язык. Сознание. Культура: Сб. статей. - М.-Калуга: Изд-во «Эйдос», 2005. - С.94-98 (в соавт.)
13. Синхрония и диахрония как категории переводоведения. // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы межвузовск. научн. конференции. - М.: Изд-во МОСУ, 2005. - С.28-32 (в соавт.)
14. Об историзме в языкознании (из истории лингвистической мысли XVII - первой

- половины XIX вв.) // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе. Вопросы теории языка и методики обучения. Материалы международн. научно-практич. конф. – Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2005 - С.245-264
15. Лингвокультурная интерпретация: перспективы и пределы. // Язык и культура Материалы III международн. научн. конференции. - М.: Изд-во Московск. ин-та иностранных языков, 2005 - с.163 (в соавт.)
 16. К вопросу о модели межкультурной адаптации. // Вопросы теории языка и методики преподавания. Материалы международн. научно-практич. конференции. - М.: Изд-во ин-та иностранных языков и международных связей, 2006 - С.89-91 (в соавт.)
 17. Межкультурное и межъязыковое как этнопсихолингвистические понятия. // Речевая деятельность. Языковое сознание. Обучающиеся личности. Материалы XV международн. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации - М.-Калуга: Изд-во «Эйдос», 2006. - С.327-328 (в соавт.)